

А. П. Марков¹

«КОНФЛИКТ АНТРОПОЛОГИЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. «*Осевое время*» современной цивилизации. Современный мир переживает системный кризис, для которого характерно нарастание угрожающих существованию человечества тенденций: необратимые изменения климата; расширение географии и социальной базы насилия (вооруженные конфликты, террористические акты, экстремистские движения и т. д.); увеличивающийся риск глобальных техногенных катастроф; достижения геномной инженерии, угрожающие среде обитания и биологической природе человека; совершенствование информационных технологий, подрывающих ценностно-нормативные функции культуры и основания личностной идентичности; расширение спектра и социальной базы культурных девиаций и зависимых форм активности. «Наряду с вызовами, угрожающими биологической природе человека, явственно обозначился вызов культуре — как нормативно-ценностной системе, упорядочивающей жизнь общества» (Н. Г. Багдасарьян). Агрессивная техногенная цивилизация в условиях глобализации подавляет, подчиняет себе, «буквально поглощает традиционные общества и их культуры».

Все острее звучит проблема сохранения человеческой личности, «человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения». Впервые в истории человечества «возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре» (В. С. Степин).

Все чаще слышны пессимистические выводы: техногенная цивилизация подошла к критическим рубежам, исчерпав возможности экстенсивного развития и породив глобальные кризисы и глобальные проблемы. Все эти судьбоносные для человечества проблемы так или иначе связаны с модификацией духовных оснований бытия, имеют в своем истоке культуросообразную природу². Драматизм ситуации усиливает глобальный финансово-экономический кризис, перспективы раз-

решения которого весьма неопределенны, что придает проектам ближайшего будущего мира предельно размытые контуры.

2. «*Новая антропология*» современной массовой культуры. «Разбалансировка» машины современной цивилизации связана прежде всего с базовыми изменениями в антропологических матрицах европейской культуры³. Сегодня становится очевидным, что ценностно-нормативная составляющая типичного для современного общества потребления спектра антропологий не в полной мере соответствует лежащей в основе европейской культуры антропологической модели. Под мощным воздействием различных форм массовой культуры (с их романтикой аморализма и демонстрацией нравственных табу, снижающих планку духовности и способствующих «дебилизации» общества) активно утверждается антропология «нового язычника», объединяющая в границах человеческой экзистенции случайные или даже принципиально несовместимые элементы, импульсы и энергии (Ж. Т. Тощенко). Опасность расширения социальной базы такой антропологии состоит в том, что она, разрушая духовно-нравственную матрицу культуры, делает неизбежным общечивилизационный крах. Не случайно сегодняшний проект формирования «нового язычника» символически обозначается как «антропологическая эвтанизия» европейской культуры⁴.

³ В частности, глубинные культурологические причины современного финансово-экономического кризиса коренятся в духовном надломе западной цивилизации, которому предшествовал отказ от базовых морально-нравственных основ христианства в эпоху Реформации. Духовный кризис западноевропейской цивилизации XIV–XV веков стал предпосылкой формирования нового антропологического идеала, изменившего судьбу западной цивилизации. Мировоззренческая суть проекта Реформации состояла в ревизии этического идеала Нагорной проповеди Христа и обосновании нового смысла человеческого бытия и человеческой истории. Фундамент капиталистической цивилизации составила новая «концепция избранных», с ее ценностями богатства и успеха в мирской деятельности («блаженны» стали богатые, успешные, активные, трудолюбивые, творящие мир и преобразующие его в своих целях). Этот смыслоориентирующий вектор был дополнен механистической картиной бытия, в которой мир рассматривался как пространство человеческой самореализации, а природа трактовалась как чуждая человеку среда, которую надо совершенствовать и которой надо овладевать. Культурная революция «расчистила» поле для безудержной активности человека — свою избранность человеку теперь надо доказывать все новыми успехами в земных делах. На утверждение новой антропологии в качестве цивилизационной основы ушло более двух веков: XVI век был «потрачен» на мировоззренческую революцию, в XVII веке «созревшая» система ценностей породила промышленную революцию, а уже XVIII век завершается становлением капитализма как цивилизации.

⁴ «Дело в том, что человечество в целом вступило в новую эпоху. Эпоху очень глубокую. Я думаю, в XX веке, к концу XX века произошел такой эволюционный перелом, равного которому в истории человечества не было. <...> Россия обречена. Я эту обреченность не рассматриваю так, как присудили к гибели. Нет. Тут обреченность очень глубокая, и обречена не только Россия. Думаю, что обречены и многие другие народы, включая такие народы, как западноевропейские» (см.: *Зиновьев А. А.* Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба // Научно-философские диалоги. Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1).

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Становление культурологической парадигмы» и др.

² Симптомы такого кризиса европейская гуманитарная мысль фиксировала начиная с конца XIX века. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует название работ: «Сумерки идолов», «По ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше); «Понятие и трагедия культуры», «Конфликт современной культуры» (Г. Зиммель); «Закат Европы» (О. Шпенглер); «Проклятая культура» (Т. Лессинг); «Германия и кризис европейской культуры» (А. Вебер); «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет); «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (Й. Хейзинга); «Кризис европейского человечества и философия» (Э. Гуссерль); «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд); «Великая трансформация» (К. Полань); «Конец Нового времени» (Р. Гвардини) и др.

Антропологический кризис есть прежде всего кризис духовный — порождая внутреннюю дезорганизацию общества, он снижает полноту жизни, лишает энергии и смысла человеческую активность. Опасность и коварство духовного кризиса — в его призрачности, неясности: общественное самосознание не всегда способно осознать и квалифицировать происходящее как кризис, в результате чего защитные силы культуры не активизируются. Неспособность культуры сохранить жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы приводит к дезорганизации системы, которая может принять необратимую форму, ведущую к гибели системы. Надвигающаяся катастрофа становится фактором саморазвития лишь в том случае, если мы видим ее нарастание и приближение, можем представить себе сроки и последствия ее наступления. Важнейшим аспектом антропологического кризиса является глобальный кризис идентичности, который затронул не только Россию, но и человечество в целом — современный человек остро переживает утрату «собственного образа» (П. С. Гуревич). Его базовой причиной является размывание идентификационных ценностно-нормативных программ, лежащих в основе культурной системы и фиксирующих целостность ее антропологического ядра.

Антропологический проект «нового язычника», разрушивший классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры — речь идет о том направлении гуманитарной мысли, которое условно можно обозначить как «негативный антропологизм». Контуры проекта человека как «высокоразвитого животного» содержатся, по мнению М. Шелера, в натуралистических, позитивистских и прагматических течениях философской мысли, в частности в философско-психологической антропологии Гоббса и Макиавелли, в позитивизме Бэкона, Юма, Конта, Спенсера, Милля, в эволюционном учении Дарвина, в работах Шопенгауэра, Ницше, Фрейда, Адлера (а сегодня — в философской парадигме постмодернизма с ее тотально деконструктивным дискурсом). В русле этого направления гуманитарной мысли возник «проект человека», принципиально отличающийся от христианского этического идеала, — был создан образ субъекта, экзистенциальным ядром и смыслом жизни которого стали наслаждение, слава, успех, богатство, власть. Этот проект в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле — человека как *antroposa*, то есть существа, устремленного в сферу духа: в рамках новой антропологии человек обращает свой взор в область нижней половины человеческого тела, инстинктами и «отправлениями» которой он чрезвычайно озабочен.

«Негативная антропология» в системе гуманитарного знания существенно усилилась в эпоху «постнеклассического» этапа развития науки, для которого характерна девальвация традиционной рациональности, усиление субъективных, метафорических методов познания и строительства мира, широкое распространение нетрадиционных форм понимания и духовного освоения действительности (В. С. Степин). В экзистенциальных «черных дырах» постмодернистской философии,

деформациях современного искусства, мутных потоках массовой коммуникации «проваливается» и распадается на атомы образ человека, сформировавшийся в недрах мировых религий и воплотившийся в великих творениях европейской культуры прошлого. Идеи «негативной антропологии» оказались востребованными современным миром: ими пропитано современное искусство, они проникают в глубины личностной экзистенции, в структуры культурного самосознания современного человека, разрушая его духовный иммунитет, лишая его смысла жизни, способности различать добро и зло, расширяя пространство деструктивных практик, отклонений и перверсий. Современная массовая культура (и прежде всего СМИ, «новое искусство», Интернет), утверждая идеал «нового язычника», осуществляет масштабную фальсификацию духовной составляющей христианской культуры, она придает качество культурной легитимности тем аспектам и атрибутам человеческого поведения, которые всегда находились в табуированном пространстве культуры. В результате внесения в антропологическую матрицу современной цивилизации «языческих» энергий и стихий разрушается образ человека, который на протяжении многих веков составлял духовный «каркас» европейской цивилизации, то есть модифицируется «человеческий код» европейской культуры.

3. «Человек потребляющий» как проект массовой культуры. «Машина» массовой культуры, подавляя духовность и провоцируя животные инстинкты, расчищает «поле» человеческой экзистенции, убирая те элементы, которые препятствуют формированию «человека зависимого». Ее агенты (и прежде всего телевидение, Интернет, реклама) «производят» в человеке те качества и энергии, которые способствуют формированию психологии потребительства как фундаментальной экзистенциальной парадигмы (алчность, зависть, эгоизм, индивидуализм, гедонизм, культ элитарности, избранности, вседозволенности, стремление к превосходству), подчиняют жизнь человека бессмысленной погоне за славой, статусами, богатством, удовольствием. В основе потребительства как жизненной стратегии лежит постоянная жажда удовольствий, вечное чувство неудовлетворенности и желание непрерывного потребления, что делает его формой зависимого поведения. Основная характеристика «человека потребляющего» — быстрая смена мотивов и стимулов, немедленное удовлетворение желаний, непрерывное (и не всегда мотивированное) потребление (вещей, людей, событий), которое создает иллюзию контроля человека над миром вещей, а на самом деле становится формой зависимости человека от мира вещей (разновидностью психического заболевания, сопоставимого по силе и деструктивным последствиям с наркоманией, игровой зависимостью).

В результате гипертрофии ключевых ценностей общества потребления, подчинения им смысла существования разрушается духовное ядро личностной экзистенции: повышение любой ценой материального благополучия рождает невиданные масштабы отвратительной алчности, а последняя питает атмосферу постоянного страха потерять (страх на почве алчности — это базовый «человеческий» фактор финансово-

экономического кризиса); рационализация человеческих отношений и нравственных качеств, в том числе добра и сострадания, которые в системе маркетинговых акций пересчитываются на дивиденды от приращенного имиджа или бренда, ведет к системной деградации человеческой духовности; успех как жизненный смысл распирает человеческую гордыню и «кормится» ею¹; стремление постоянно наращивать качество потребления формирует потребительскую зависимость — худшую из возможных зависимостей по формам проявления и последствиям для человеческой души; массовое поклонение «золотому тельцу» разрушает основы нравственности, делает человека готовым принести в жертву материальному благополучию самое дорогое — семейное счастье, любовь, сострадание к ближнему.

Таким образом, в пространстве современной культуры расширяется социальная база носителей «новой антропологии», в аксиологическом ядре которой доминируют ценности гедонизма, индивидуализма, стремление к успеху и материальному процветанию, а нравственность и духовность вытесняются на периферию экзистенциальности². Данный антропологический тип оказывается в оппозиции к идущей с древности гуманистической концепции человека, которая возвышала его верой в добро, созидание и духовные возможности, утверждала эту веру в образах художественной культуры, текстах философско-религиозной мысли, этических и педагогических концепциях. Трансформации антропокультурного типа (в том числе изменения национально-культурного этоса и онтологического ядра европейской ментальности) свидетельствуют о глубинном конфликте антропологий в пространстве современной европейской культуры.

4. *Миссия гуманитарного знания в контексте антропологического хаоса.* В рамках гуманитарного знания начинает осознаваться ответственность сегодняшнего момента, в котором сохраняются возможности целенаправленного воздействия на социоприродные системы с целью предотвращения «гибели мира» в его предельном состоянии, «точке хаоса» (Н. Г. Багдасарьян), удерживания человечества в ситуации технико-биогуманитарного баланса (А. П. Назаретян). Гуманитарии отмечают, что мир не удастся спасти, если оставаться в границах доминирующей интеллектуальной и технологической парадигмы с ее прагматизмом, политическим цинизмом, экономическим детерминизмом и обслуживающей эту парадигму социальной философией, тотальным рассогласованием между рациональным и моральным. Идея преобразования мира и подчинения человеком природы — как доминанта и «генетический код» техногенной цивилизации — поставила на грань уничтожения среду обитания человека, произвела существенную модификацию его собственной

природы. Поэтому сегодня «человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизационного развития» (В. С. Степин), преодолеть противоречие «между душой человечества — культурой — и его телом — цивилизацией», «внешней и внутренней деятельностью человека» (В. П. Зинченко). Разрушение образа «человека классического» (основными сегментами которого была теологическая антропология, а также концепция «человека разумного», сформировавшаяся в недрах греческой культурной традиции и усовершенствованная в культуре Нового времени, по М. Шелеру) меняет не только функции, но и мировоззренческую миссию гуманитарных наук: сегодня она, помимо познания человека и мира, состоит в разработке новой онтологии и смыслов бытия; социально-экономических систем, свободных от экономических кризисов; новых социальных моделей будущего и проектов жизнеустройства, предусматривающих безопасное развитие и сохранение жизни на Земле, поддержание природного, культурного и личностного многообразия и сотрудничества (В. С. Степин).

Эта миссия выполнима в том случае, если в основу миропонимания будет положена целостная методология познания мира, синтезирующая ресурсы рациональности и веры, возвращающая целостность структуре познающей активности человека как духовной практики. Целостность познания — это когда объект науки конструируется и понимается всеми энергиями человеческого духа: разумом, чувствами, волей. «Человек познающий» в акте веры целостен и онтологичен, таков же и характер получаемого знания. Вера не исчерпывается интуицией — в архитектуре познания она позволяет пережить опыт пребывания в истине как откровение, становится условием нравственной ответственности знания; вера обеспечивает смысловую насыщенность познания, придает сознанию ученого вектор духовной устремленности и моральной ответственности (за то, «как наше слово отзовется...»), ориентирует познание на утверждение в мире истины. Именно вера устремляет духовные усилия вывесь, оправдывая тем самым высшее назначение человека (и имя его: в греческой античной культуре человек — это *Antropos*, то есть устремленный вывесь; славянская народная этимология слова «человек» раскрывала его значение как «чело, обращенное к вечности» — А. Кураев). Вера, онтологизируя истину, придает предмету познания качество предельной экзистенции, а само познание делает личностно заинтересованным, страстным. Познание становится формой соучастия в бытии, средством конструирования проекта человека как образа Божьего, методом творения мира культуры как того пространства, в котором происходит испытание антропологических замыслов, реализуются представления человека о том, «что думает о нем Бог в вечности» (Вл. Соловьев).

¹ Неслучайно в христианстве гордость является одним из смертных грехов наряду с сребролюбием, чревоугодием, завистью, злопамятностью, гневом, отчаянием и считается «исчадием помраченного ума».

² Фон Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике, утверждал, что для расцвета либерализма человек должен лишиться двух природных качеств: сострадания и чувства солидарности.